

*Национализм в современной России:
идеология, протагонисты, отношения с властью*

Владимир Малахов

Специфика современного русского национализма

Современный русский национализм решительно антилиберален. Этим он принципиально отличается от национализмов стран Восточной Европы, траектории которых могли совпадать (и часто совпадали) с траекториями либеральной демократии. Политическое воображаемое граждан восточноевропейских стран – а несколько позднее и жителей бывших советских республик – не претерпело ущерба от тектонических сдвигов рубежа 1980–1990-х годов. Здесь обретение национального суверенитета выглядело одновременно и как выход из зоны «русского» влияния, и как движение в сторону либеральных преобразований. Политическое воображаемое жителей России, напротив, столкнулось с серьезной дилеммой. Либо поворот в сторону либеральной демократии (что, как оказалось, сопряжено с болезненными для национального сознания процессами), либо «великая держава». Поскольку русские националисты изначально сделали выбор в пользу второй из этих опций, какой-либо диалог (не говоря уже о союзе) с адептами либерализма был для них абсолютно невозможен.

Отсюда проистекает другая особенность русского национализма – его по преимуществу компенсаторный характер. Его мобилизационный потенциал весьма ограничен – по той причине, что он с самого начала развертывался именно как реакция на перемены, инициированные властью. А поскольку большинство населения выступало за перемены, националисты могли адресоваться лишь группам, охваченным рессантиментными настроениями.¹

Проблема типологизации

Предложить типологизацию современного русского национализма, которая не вызвала бы возражений специалистов, практически невозможно. Это обусловлено не столько аморфностью данной идеологии, сколько тем обстоятельством,

что она не пережила стадии институционализации. В отсутствие общепризнанных институтов (партий, организаций, влиятельных thinktanks), выступающих генераторами и распространителями националистических идей, производство и потребление этих идей носит стихийный характер. Сегодня, как и полтора десятилетия назад, в конкуренции за право истинного выражения национальной идеи участвует огромное количество игроков. Здесь, разумеется, есть свои тяжеловесы и мелкие производители, однако никто не накопил достаточных ресурсов для того, чтобы установить если не монополию, то хотя бы олигополию.

Базовое различие, которое обычно делается в аналитической литературе – это членение русского национализма на этатистский («государственнический», или «державнический») и этнический. Однако, во-первых, грань между ними достаточно условна (многие из наших государственников совсем не чужды этническому представлению о нации). Во-вторых, как среди этатистов нет единства по вопросу об идеале, на который должно ориентироваться государство, так и среди этнонационалистов нет единства относительно того, в каких терминах следует мыслить русскую нацию. Последняя понимается в терминах (1) геополитики («неоевразийцы»), (2) религии (православные фундаменталисты), (3) социальной принадлежности («национал-большевики»), (4) культуры (неославянофилы), (5) расы (неонацисты).²

На наш взгляд, можно вести речь о существовании на идеологическом поле современной России фантазмов трех типов, каждый из которых служит матрицей трех разных типов национализма: «красного» (советско-коммунистического), «белого» (традиционалистского) и «коричневого» (неонацистского)³. Первый строится вокруг образа идеализированного Советского Союза, второй – вокруг образа идеализированной царской России, третий основан на конструировании «этнически чистой» нации. Эта типологизация, конечно же, является огрублением и в дальнейшем изложении будет уточняться.

«Красные» националисты, или «коммунопатриоты»

Феномен коммунопатриотизма возник из реакции на крах советского режима. Поскольку официальная коммунистическая идеология утратила кредит доверия в конце 1980 – начале 1990-х гг., ее приверженцы столкнулись с необходимостью ответа на вызов времени. Такой ответ был предложен идеологами КПРФ во главе с Геннадием Зюгановым.

Идеология коммунопатриотизма представляет собой гибрид из догматического (сталинского) марксизма-ленинизма и национализма, носящего в основном этатистски-имперский характер, но не чуждого и элементов этнического национализма. Основные черты данного идеологического гибрида таковы.

(1) Появление ксенофобски-шовинистических обертонів и постоянное

усиление их роли в аргументации. Из программных заявлений патриотов коммунистического образца постепенно исчезают реверансы в сторону пролетарского интернационализма, зато все более заметными становятся инвективы по адресу «сионизированного капитала» и других явных и скрытых врагов России. Данное смещение произошло не только в риторике лидеров КПРФ, но и в высказываниях менее гибких приверженцев коммунистических идеалов, в частности В. Анпилова. И зюгановцы, и анпиловцы поняли, что канализирование протестной энергии фрустрированных масс против чужаков (евреев, кавказцев, мигрантов) и врагов России («мировой закулисы»), – необходимый инструмент в удержании электората.

(2) Попытки апроприации христианства. В книгах Зюганова и его единомышленников проводится мысль о внутренней гармонии социалистических и христианских идей. Коль скоро Христос проповедовал равенство и социальную справедливость, его, согласно этой логике, вполне можно считать первым коммунистом.

(3) Тезис об органичности социализма/коммунизма русскому национальному менталитету. Коллективизм социалистической идеи есть не что иное, как разновидность «соборности». Ленину с его воинствующим атеизмом предпочитают выпускника духовной семинарии Сталина, восстановившего институт патриаршества и обратившегося к народу в 1941 г. со словами «братья и сестры».

(4) Форсированное развитие идеи враждебности Запада по отношению к России и интерпретация российско-западного противостояния в культурно-цивилизационных терминах⁴.

(5) Изображение большевистских вождей в качестве строителей российской государственности. Шаги к восстановлению национальной территории в границах империи Романовых предпринял уже Ленин, а Сталин завершил дело, начатое Лениным.

В стилизации русского коммунизма под аутентично национальную идеологию особенно активен Сергей Кара-Мурза. В последние несколько лет его книгам удалось выйти за рамки маргинальной околопартийной литературы и стать своего рода бестселлерами. Круг идей, которым удалось завоевать любовь массового читателя, может быть выражен формулой «социалистическое державничество». СССР был не просто великим государством, наследовавшим великую Россию, но государством, построенном на фундаменте социализма, а значит – заботившемся (в отличие от царского режима) о благе простого народа⁵.

Площадками для выражения коммунопатриотических идей сегодня выступают газеты: «Советская Россия» (многотиражное издание, доступное как по подписке, так и в розничной продаже по всей стране); «Правда» (превратившаяся, по сути, в пропагандистский листок); «Правда России»; «Дума» (орган фракции КПРФ в Московской городской думе); информационный портал «Правда.ru» и официальный сайт КПРФ [www.kprf.ru].

Точку зрения ультрасталинистов, идущих за В. Анпиловым, выражает нерегулярно выходящая и плохо напечатанная газета «Дуэль». По количеству обличений «жидо-масонов» и их «прихвостней» это – «красное» по замыслу – издание сегодня не уступает многим «коричневым».

Традиционалисты и почвенники

Лагерь националистов некоммунистического толка неоднороден. В нем с самого начала было заложено противоречие между двумя позициями, которые можно обозначить как традиционалистскую («белые») и почвенническую («розовые»). Это противоречие еще не было явным в 1960–1970-е гг., когда Александр Солженицын, Игорь Шафаревич и Лев Гумилев были кумирами русских националистов независимо от их политико-идеологических предпочтений (и когда эти предпочтения еще не были артикулированы). Однако оно стало очевидным после августа 1991 г.

Линия размежевания между традиционалистами и почвенниками пролегает, прежде всего, по вопросу о преемственности между «исторической Россией» и советским режимом. Для *традиционалистов* большевизм означал радикальный разрыв исторического континуума как в политическом, так и в культурном отношении. То, что произошло со страной после октября 1917 г., – это катастрофа, результатом которой стало почти полное уничтожение великой государственности и великой культуры. Взгляд *почвенников* на большевизм не столь однозначен. Признавая трагический характер событий 1917 г., они склонны рассматривать советский период российской истории в терминах удержания и сохранения базисных ценностей предшествующего периода.

Данным размежеванием определены и другие черты, отличающие традиционалистов от почвенников. Если традиционалисты практически идентифицируют себя с интеллигенцией, покинувшей Россию после 1917 г., то почвенники противопоставляют себя эмигрантам и их потомкам. Последние, по их мнению, «идеалисты», не знающие современной российской действительности и потому склонные к ригоризму и патронажу. Последовательный антикоммунизм традиционалистов влечет за собой антисталинизм, что резко контрастирует с сакрализацией фигуры Сталина среди одной части почвенников и с терпимым отношением к сталинизму среди другой их части.

Ключевая фигура русского традиционализма – Александр Солженицын (1918-2008). Пик его влияния приходится на начало 1990-х гг. В дальнейшем он энергично отодвигается на периферию, игнорируемый официальной властью и отторгаемый большинством национал-патриотов, которые не могут ему простить (а) «либерализма», (б) недостаточной критичности по отношению к Западу, (в) резко негативного отношения к Сталину.

Вместе с Солженицыным маргинализации подвергаются и другие представители традиционализма. У них нет своего печатного органа, что обрекает их на публикации в изданиях, излагающих в основном иные точки зрения⁶.

Первыми идеологами современного почвенничества были так называемые «писатели-деревенщики» (Владимир Солоухин, Василий Белов и др.). Именно в среде *советских писателей*, объединившихся в 1970–1980-е гг. вокруг редакций журналов «Наш современник», «Молодая гвардия» и, в меньшей степени, журнала «Москва», вырабатывались все будущие рецепты патриотической идеологии. Помимо «деревенщиков», нелояльных к навязывавшейся сверху коммунистической догме, в этот круг входили «писатели-фронтовики», вполне уютно чувствовавшие себя внутри официальной мифологии (Юрий Бондарев до сих пор входит в редколлегию «Нашего современника»).

Оселок идеологии почвенников образует тезис: государственная политика должна отвечать интересам русского народа. Внутри страны это означает ограничение доступа нерусских групп к власти и социальным ресурсам и, соответственно, создание условий для доминирования русских в экономической, политической и культурно-символической сферах. Во внешнеполитической сфере это означает отказ от курса, ведущего к сближению с Западом.

Различные вариации почвеннической идеологии возникают из различий в интерпретации советского периода и, в частности, в способах включения советских символов в собственную семантическую систему. Например, в кругу «Молодой гвардии» нет тех симпатий к «советскому» корпусу символов, какие характерны для круга «Нашего современника» (неслучайно в сегодняшнюю редколлегию «НС» входит Кара-Мурза)⁷.

Ветераны почвенничества, действующие и сегодня, – Станислав Куняев, Владимир Бондаренко, Валентин Распутин. Из более поздних фигур стоит выделить Валентину Чеснокову и Михаила Назарова.⁸ Чеснокова представляет *секулярное*, а Назаров – *православно-фундаменталистское* направление почвеннического национализма. В рамках первого направления православию отводится важная, но не определяющая роль в строительстве будущей национальной государственности. Потенциал национального спасения заключается в особенностях русского «ментального кода» (нестяжательство, самопожертвование, коллективизм, сакрализация государственной власти). В рамках второго направления возвращение к православию и установление «православной монархии» рассматривается как необходимое условие политического и культурного выживания нации.

Бурную активность на ниве православно-фундаменталистского почвенничества развил дьякон Андрей Кураев. Плодовитый производитель текстов, Кураев ведет также энергичную общественную деятельность. Рекламой своих

сочинений и идей, а также идей некоторых своих единомышленников он занимается на сайте «Человек и его вера. Православный форум Андрея Кураева» [www.kuraev.ru].

Из секулярных почвенников стоит выделить Георгия Гачева (1929–2008)⁹, Юрия Бородея¹⁰, Александра Панарина (1940–2003)¹¹.

Институционально почвенники различных направлений локализованы (помимо названных выше трех журналов) в следующих структурах: Фонд славянской письменности и культуры; Институт национальной стратегии (созданный Станиславом Белковским и Михаилом Ремизовым), еженедельник «Литературная Россия»; ежемесячный журнал «Русский дом» (главный редактор – Александр Крутов, который до февраля 2005 вел программу «Русский дом» на «Народном радио»); радиостанция «Радонеж», а также множество маргинальных изданий (например, газеты «Русский вестник», «Русь державная» и т.п.). В *телеэфире* почвенничество представлено программой «Русский взгляд» на Третьем канале; с июля 2005 г. почвенники получили слово на канале православного вещания «СПАС» (НТВ+). *Сетевые ресурсы*: Агентство религиозной информации «Благовест-инфо» [www.blagovest-media.ru; www.blagovest-info.ru], «Православное информационное агентство «Русская линия» [www.russk.ru]; «Православный аналитический сайт 'Правая.ру'» [www.pravaya.ru]; сайт «Русская цивилизация» [www.russtrana.ru], а также Агентство политических новостей [www.apn.ru] – орган выше упомянутого Института национальной стратегии.

Конкуренция коммунпатриотов и почвенников

Коммунпатриоты ненавидят Запад потому, что оттуда к нам пришел либерализм. Почвенники ненавидят либерализм потому, что он пришел к нам с Запада.

Коммунпатриотов и почвенников сближают представления о политической системе, наиболее подходящей для России. Это та или иная форма авторитаризма («автократии», «национальной диктатуры»). Пункт, по которому они не могут договориться друг с другом: идеальный социальный строй, к реставрации которого следует стремиться. Для коммунпатриотов таким идеалом является советский режим. В глазах почвенников этот режим означал разрыв с православием и уже по этой причине не может служить ориентиром. Показная лояльность коммунпатриотов русско-православной традиции сочетается у них с пиететом перед Дзержинским и другими символами коммунистического режима, что вступает в противоречие с агрессивным отторжением этих символов большинством почвенников.

Таким образом, существует предел их взаимного сближения. Коммунисты, какие бы усилия по присвоению националистического дискурса они не предпри-

нимали, располагают крайне ограниченным пространством маневра. Зюгановцы, в частности, не готовы вынести из мавзолея и похоронить по православному обряду тело вождя мирового пролетариата. Они не могут отказаться от целого ряда базисных для себя идей, не потеряв львиной доли своих сторонников. Перестать быть марксистами-ленинцами для коммунистов означает потеряться в море националистической оппозиции.

Уместно выделить еще ряд моментов, отличающих программу «красных» от программы «белых» и «розовых». Коммунопатриоты высказываются за сохранение федерализма, тогда как почвенники (и традиционалисты) считают необходимым демонтировать федерализм в пользу унитарного устройства. Коммунопатриоты провозглашают своей целью «укрепление федерального многонационального государства», что означает их неготовность принять тезис почвенников о необходимости обеспечить доминирование русских на всех уровнях жизни общества. Максимум, на что коммунисты идут, стремясь подчеркнуть свою патриотичность, – это вялая поддержка тезиса о введении пропорционального представительства во властных структурах, в результате чего «государствообразующий народ» получит большинство. Однако зюгановцы боятся лоббировать инициативы вроде «Закона о русском народе», поскольку это лишит их электоральной поддержки среди этнических меньшинств.

Форумом, на котором коммунопатриоты встречаются со своими союзниками из почвеннического лагеря и на котором обсуждаются различные варианты соединения коммунизма с православием, выступает «Народное радио», а также уже упомянутая газета «Советская Россия».

Претенденты на синтез национал-патриотических идей

«Посткоммунисты»

Идеология коммунопатриотизма оказалась для многих ее бывших приверженцев слишком тесной. Они начинают экспериментировать с идеями, не одобряемыми ЦК КПРФ. Назовем их посткоммунистами.

К числу таких людей принадлежит Алексей Подберезкин, вышедший из зюгановской партии и возглавивший движение «Духовное наследие». Подберезкин одним из первых стал эксплуатировать символ Империи. Империя в его конструкции должна была объединить в себе и дореволюционную и пореволюционную Россию; социалистическая традиция, по Подберезкину, – такая же часть национального наследия, как и христианская. Концепцию Подберезкина отличает от построений Кара-Мурзы смена акцента со сталинизма на умеренную, «лейбористскую» версию социалистической идеи. Впрочем, эти тактические расхождения не мешают сотрудничеству «ревизиониста» Подберезкина с твердо-

лобьими коммунистами. Серия книг, выпускаемая фондом Подберезкина, входит в сетевую «Библиотеку думающего о России» [www.patriotica.ru], где публикуются также книги и статьи авторов коммунопатриотического направления¹².

К посткоммунистам можно отнести и Александра Проханова, который долгое время считался главным идеологом «Национально-патриотического фронта России» (НПСР), несмотря на то, что номинальным руководителем этой организации был Зюганов. Еще на рубеже 1980-1990-х гг. Проханов выступил с проектом общенациональной газеты, целью которой было объединить всех патриотов. До 1993 г. она называлась «День», затем – «Завтра». Еще до октябрьских событий 1993 г. здесь были опубликованы интервью Руслана Хазбулатова (тогдашнего председателя Верховного Совета) и Валентина Зорькина (тогдашнего председателя Верховного суда) на тему «русской идеи». В 1994 г. с совместными размышлениями о перспективах единого патриотического фронта в «Завтра» выступили бывший вице-президент РФ Александр Руцкой и Зорькин. Но всеядность и эклектизм Проханова отпугнули от него значительную часть патриотов из обоих лагерей. В коммунопатриотической прессе его бичевали за беспринципность, а большинство почвенников – за излишнюю «красноту»¹³. В итоге на протяжении последних десяти лет «Завтра» служит площадкой для выступлений тех, кого это обстоятельство не смущает.

Наконец, к группе посткоммунистов следует отнести Сергея Глазьева. Хотя его союз с фракцией КПрФ в Государственной Думе (равно как и его сотрудничество в свое время сначала с кабинетом Гайдара, а затем с Совбезом Александра Лебеда) можно считать скорее тактическим ходом, чем выражением мировоззрения, определенные идеологические предпочтения у Глазьева все же просматриваются¹⁴. Программа, на основе которой Глазьев пытался возглавить (несостоявшуюся) предвыборную коалицию «Коммунисты–Аграрии–Патриоты», включала в себя следующие положения:

- распределение среди населения сверхдоходов от экспорта энергоресурсов,
- массивная государственная поддержка национального производителя,
- активная поддержка русского населения в «ближнем зарубежье» (в частности, в Абхазии и Южной Осетии).

Симптоматично и то обстоятельство, что Глазьев является автором одной из двух версий законопроекта «О социальном партнерстве государства и церкви», суть которого состоит в правовом закреплении участия традиционных конфессий в общественной жизни (речь идет, прежде всего, о православии, а также об исламе, буддизме и иудаизме – в местах компактного проживания носителей этих верований).

«Жириновцы»

Мало кто помнит, как называлась партия Владимира Жириновского в момент ее возникновения (а случилось это в 1988 г.) – Либерально-демократическая партия Советского Союза. В пору, когда общественная жизнь контролировалась Комитетом государственной безопасности, представить себе автономную политическую деятельность, а тем более деятельность оппозиционной политической партии, было невозможно. Тем не менее ДЛПСС успешно функционировала и, по-видимому, неплохо финансировалась, что заставляло задуматься о структурах, запустивших данный проект.

Как бы то ни было, позицию сегодняшнего Жириновского характеризуют следующие черты:

- антикоммунизм; Жириновский и его сторонники категорически отмежевываются от «левых идей» вообще и от коммунистов в частности;
- демонстративный авторитаризм и милитаризм (адекватная для России форма правления – военная диктатура, исторический идеал – генерал Корнилов);
- наигранная агрессивность и гипертрофированное великодержавие (среди лозунгов Жириновского – восстановление территории России в границах 1913 г., т. е. включая Польшу и Финляндию, а также установление имперского контроля над регионами к Югу от бывшего СССР)¹⁵.

Национализм и империализм сторонников Жириновского носит симулятивный характер. Их лозунги и публичные выступления, как правило, столь скандальны и нереалистичны, что любому внимательному наблюдателю очевидна их функциональность: они провозглашаются не для того, чтобы быть осуществленными, а для того, чтобы помочь лидерам ЛДПР удержаться в информационном поле.

«Неоевразийцы»

Евразийство – в том виде, как оно понимается русскими националистами¹⁶, – представляет собой вариант *мессианского империализма*. «Евразия» здесь выступает как эвфемизм Российской империи, историческое предназначение которой состоит в том, чтобы служить цивилизационным центром притяжения для многочисленных народов евразийского материка и геополитическим центром, противостоящим «атлантистам» (Северной Америке и Западной Европе), с одной стороны, и Китаю с другой.

Формально сегодняшние адепты евразийства опираются на сочинения писателей и ученых русской эмиграции, предложивших этот термин в 1920-е г. (Петр Сувчинский, Петр Савицкий, Николай Трубецкой), однако настоящим

источником их инспираций послужил труд Льва Гумилева «Этногенез и биосфера земли» (1979). В 1980-е гг. развитием идеи о российской цивилизации как синтезе «православно-славянского» и «тюрко-мусульманского» культурного начала увлекались некоторые деятели Союза советских писателей (например, умерший в 2001 г. Вадим Кожин).

В настоящее время этот бренд пытается монополизировать Александр Дугин. Но, поскольку на обладание данным термином претендуют и другие участники публичного дискурса¹⁷, мы будем называть программу Дугина и его единомышленников «неоевразийством». Организационно последователи Дугина объединены в «Международное Евразийское движение» [www.eurazia.org]. Молодая поросль дугинцев образует собственную структуру – «Евразийский союз молодежи», представленную на том же сайте.

Мало кто может посоревноваться с Дугиным по количеству выбрасываемых в мир текстов (хотя вопрос об их качестве следовало бы обсудить отдельно).

«Новые левые» националисты

К этой группе уместно отнести в первую очередь «нацболов», руководимых писателем Эдуардом Лимоновым. Национализм Лимонова носит скорее эстетический, чем политико-идеологический характер. Мировоззрение лимоновцев крайне эклектично. Лидер организации, именуемой Национал-большевистской партией (ныне запрещенной), с одной стороны, заявляет себя противником государства и семьи как институтов, подавляющих индивидуальную свободу, а с другой стороны, выступает за возрождение империи и, стало быть, сильного государства. Такой «анархо-империализм» помогает рекрутировать в ряды лимоновской партии ищущих себя подростков и молодых людей, но не очень подходит для формулировки политической программы. Тем не менее мобилизационный потенциал нового левого национализма достаточно велик. Антикапиталистический и антибуржуазный пафос, а также *внесистемный характер* этого движения (в отличие от вписанных в политическую систему Г. Зюганова, С. Бабурина, С. Глазьева и т. д.) делают его весьма популярным среди протестно настроенной молодежи.

Путаные воззрения «нацболов» время от времени публиковались в газете «Лимонка». После запрета газеты в 2002 г. она была переименована в «Генеральную линию», которая, впрочем, выходит с еще меньшей регулярностью, чем предшественница.

Под рубрику «нового левого» национализма можно подвести также воззрения писателя Сергея Шаргунова (род. 1980), лидера движения «Ура!». Правда, во внесистемном характере деятельности Шаргунова есть большие сомнения.¹⁸

«Просвещенный авторитаризм» и «авторитарная модернизация»

Идейным истоком этой позиции послужила статья Игоря Шафаревича «Две дороги – к одному обрыву». Согласно программному тезису автора для России одинаково неприемлемы ни марксизм (социализм), ни либерализм (демократия), поскольку ни то, ни другое не соответствует национальной духовной традиции.¹⁹

Известный специалист по политической экономии социализма Александр Ципко (в советское время существовал даже ироничный термин – «Ципко-социализм»), а ныне политический обозреватель «Литературной газеты» пустил свой недоужинный публицистический талант на пропаганду мировоззрения, которое он сам обозначает как «либеральный патриотизм» и которое в западно-европейских странах именуется социал-демократией. Суть этого мировоззрения – в соединении идеи свободы и идеи социальной справедливости²⁰. Однако демонстративное антизападничество и желание отмежеваться от российских политических сил, присвоивших себе это название (Михаил Горбачев, Гавриил Попов и др.), закрывает перед Ципко эту возможность. Среди центральных положений идеологической программы, выражаемой Ципко, можно встретить практически все тезисы, озвученные в 2003 г. Глазьевым. Кроме того, Ципко и его единомышленники разделяют с почвенниками следующие требования:

- немедленное воссоединение с Белоруссией;
- более агрессивная политика по отношению к официальному Киеву (Россия не должна мириться с утратой традиционно русской территории – Левобережья и Крыма);
- более независимая политика по отношению к Евросоюзу: если членство в той или иной организации (например, в Совете Европы или в «Партнерстве во имя мира») сужает российский суверенитет, не надо бояться из нее выйти;
- энергичная поддержка братских народов (македонцев и сербов) на Балканах.

Аргументы в пользу «просвещенного авторитаризма» неоднократно высказывала историк Наталия Нарочницкая²¹, бывшая депутатом Думы от блока «Родина» в 2003–2007 гг.

Сторонники «просвещенного авторитаризма» с большим воодушевлением относятся к идее «авторитарной модернизации» – экономико-технологического скачка, проводимого в условиях отсутствия или ограничения гражданских свобод. Круг приверженцев этой идеи очень широк. Назовем лишь несколько имен: вице-президент Фонда «Реформа» и член Общественной палаты Андраник Мигранян²², президент фонда «Экспериментальный творческий центр» Сергей Кургинян, тележурналист Михаил Леонтьев, обозреватель «Известий» Максим Соколов, директор Института национальной модели экономики Виталий Най-

шкуль, главный редактор журнала «Русский предприниматель» Андрей Кобяков, президент экспертного центра «Неокон» Михаил Хазин.

Форумом для обсуждения идей авторитарной модернизации служит издаваемый Центром Кургиняна журнал «Россия XXI» (выходит с 1993 г., доступен и в печатном, и в электронном виде), а также «Русский журнал» [www.russ.ru].

Этноцентристы

В эту группу мы объединяем тех, кто категорически отказывается от интерпретации понятия нация в неэтнических терминах. Нация для них есть этническое сообщество: «этнос, и ничего кроме этноса» (Владимир Махнач). Этнос при этом может пониматься как в культурно-исторических (в качестве сообщества происхождения, «общности судьбы»), так и в биологических категориях (в качестве кровно-родственного сообщества). В первом случае перед нами *умеренные* этноцентристы, ориентирующиеся на наследие Гумилева, во втором – *радикальные* этноцентристы, безоговорочным авторитетом среди которых является Аполлон Григорьевич Кузьмин (1928–2004).

Бесспорной классикой для этноцентристов является трактат Шафаревича «Русофобия» (1980), в котором было сформулировано убеждение в наличии внутреннего заговора против России, исходящего от «малого народа». Под «малым народом» понимается непатриотическая интеллигенция, ядро которой составляют евреи²³.

Хотя многие свои аргументы этноцентристы разделяют с почвенниками, их генезис вряд ли следует понимать как результат эволюции почвенничества. Данный тип мышления произрастает из отдельного корня. Этот корень – мифологически-органицистское представление об этносе. Этнос в данном случае воображается как расширенная семья или как племя (вполне адекватным обозначением данного течения было бы «племенной национализм»).

Представителям данного течения мысли свойственно самое пристальное внимание к этнической принадлежности. Но если умеренные этноцентристы склонны сделать исключение для обрусевших «инородцев» и считать, например, Осипа Мандельштама русским поэтом, а Исаака Левитана – русским художником, то этноцентристы-радикалы единственным основанием для включения в национальную (этническую) общность считают кровь. Отсюда проистекает их враждебность к евразийству. В нем они усматривают инструмент размывания славянского фундамента русской нации. Упомянутый Кузьмин посвятил жизнь разоблачению «евразийской заразы»²⁴.

Радикальный этноцентризм идеологически представляет собой не что иное, как биологический расизм. На расистской ветви этноцентризма растут откровенно нацистские листочки²⁵.

Можно провести различие между «православной» и «языческой» версиями русского расизма. Первые группируются вокруг «Союза хоругвеносцев», «Союза православных братств», партии «За Русь святую!» и т.п. организаций. Один из лидеров «Союза православных братств» Евгений Троицкий возглавляет также «Ассоциацию по комплексному изучению русской нации», ведущую активную издательскую деятельность.

«Язычники» образуют свои союзы и издают свою периодику, существующую, правда, больше в виртуальном, чем в печатном виде. Пример – «Русоград» и «Велесова свобода», доступные на сайте с красноречивым названием «Родное верие» [www.rodnoveriye.ru]. В 2002 г. они основали «Библиотеку расовой мысли», в рамках которой заявлена серия «Расовый смысл русской идеи». Серия нашла горячую поддержку у депутата ГД от фракции «Родина» Андрея Савельева.

Впрочем, грань между этноцентристами с «православной» и «языческой» идентификацией размыта. Неслучайно авторы, претендующие на лидерство в этой среде, легко меняют ориентацию.²⁶

«Либеральный национализм»?

На рубеже 1999–2000-х гг. часть либералов заявляет о своем желании нарушить монополию националистов на патриотизм и противопоставить антилиберальному, антиреформаторскому и реакционному национализму/патриотизму либеральный, реформаторский и прогрессивный национализм/патриотизм.

Первой ласточкой подобного сдвига на либеральном фланге стало заявление тогдашнего лидера СПС Анатолия Чубайса о том, что в Чечне происходит возрождение российской армии. За прошедшие с этого момента годы лагерь «национал-либералов» приобрел если и не очень определенные, то вполне узнаваемые очертания. В их интеллектуальной кузнице было выковано три идеи: *«либеральной империи», нациостроительства и суверенной демократии.*

Лозунг «либеральная империя» был вброшен в оборот все тем же Чубайсом. Идею Чубайса, помимо Леонида Гозмана и других членов правления РАО ЕС, поддержали Виктор Кувалдин (руководитель Центра аналитических программ Горбачев-Фонда), Аркадий Попов (сотрудник аналитической группы «Меркатор»), Вячеслав Никонов (президент Фонда «Политика» и исполнительный директор Фонда «Русский мир») и некоторые другие известные либералы. В то же время большинство представителей либерального крыла отечественной мысли скептически отнеслось к инициативе Чубайса. Впрочем, идею о России как (либеральной) империи не следует жестко привязывать к имени Чубайса. У нее были адепты и ранее.²⁷

Споры провоцирует и другой тезис национал-либералов – о необходимости построения в России *национального государства* в этническом смысле слова

«нация». Согласно Вячеславу Никонову «Россия впервые стала государством-нацией. Причем государством именно этническим. Никогда русские не были большинством в стране. Сейчас в России оказалось русских больше, чем во Франции французов»²⁸. (Никонов, сознательно или нет, повторяет здесь мысль Солженицына от 1992 г., согласно которой у русских после отделения от России среднеазиатского балласта появился шанс завершить строительство нации). Оппоненты этой идеи указывают на конфликтный потенциал проекта этнического строительства в полиэтнической стране²⁹.

Гораздо больший энтузиазм и гораздо меньше возражений вызвала идея «суверенной демократии», согласно которой в нашей стране задолго до появления демократов из «Демократической России» существовала собственная демократическая традиция. Стало быть, нам нет смысла ее импортировать. После сравнительно непродолжительной обкатки этой идеи – в частности, на страницах журнала «Эксперт»³⁰ – формула «суверенная демократия» была адаптирована президентской администрацией.

Официальная власть и национализм

Одной из острейших проблем для обладателей власти в современной России является проблема легитимности. Решить эту проблему они пытаются, прежде всего, посредством смены риторики. Высшие чиновники демонстративно дистанцируются от «либерализма», позиционируя самих себя как «патриотов». Этот риторический поворот наметился уже в 2000 г. (с переходом власти от администрации Ельцина к администрации Путина), но особенно явным он стал после 2004 г. (начало второго путинского срока в апреле и «оранжевая революция» в Киеве в ноябре). Апроприируя целый ряд элементов националистического дискурса, сегодняшний Кремль не только покрывает легитимационный дефицит, но и лишает своих оппонентов монополии на «патриотизм».

«Патриотический поворот», начатый маленькой победоносной войной (вторая Чеченская кампания 1999–2000 годов) и продолженный пропагандистскими кампаниями, организуемыми вокруг того или иного образа врага, позволяют правящему классу использовать компенсаторные ресурсы национализма. Изображение России как «энергетической сверхдержавы», метафорика «страны, встающей с колен», – эксплуатация этих образов имеет ярко выраженный психотерапевтический эффект, а значит, служит врачеванию травм, понесенных коллективным сознанием в 1990-е.

В структуре запроса на патриотизм присутствует такой элемент, как символическая недостача. Наиболее остро эта недостача заявляет о себе в случае ультра-национализма. В фигуру вождя нации, конструируемую ультра-националистами, вкладываются патриархатные, маскулинно-милитаристские фантазмы.³¹

В «патриотический поворот» вписываются и изменения в символической политике, которые сводятся к конструированию *семиотического континуума* – между досоветским, советским и постсоветским периодом российской истории. То, что стороннему наблюдателю кажется недопустимой эклектикой – восстановление советской мелодии государственного гимна *и* перезахоронение останков царской семьи, красное знамя в вооруженных силах *и* реабилитация вождей белого движения, телесериалы про бравых чекистов (от НКВД до КГБ) *и* блок-бастер про адмирала Колчака, – с точки зрения кремлевских политтехнологов вполне органично связано между собой. Эта связь задается целью срастить два несовместимых исторических опыта и представить действующую власть как наследницу одновременно и Николая II, и Сталина.

Что касается оппонентов власти из националистического лагеря, по отношению к ним применяется двойственная тактика. С одной стороны, из политического поля энергично вытесняются игроки, обладающие сколько-нибудь значимым протестным потенциалом. Запрет НБП, поглощение «Родины»³² «Справедливой Россией», нейтрализация «Великой России» посредством предложения Дмитрию Рогозину высокого поста в Брюсселе (хотя неуправляемость этого политика – предмет отдельного обсуждения). С другой же стороны, в культурно-идеологический истеблишмент кооптируются отдельные фигуранты националистического движения. Метафизический геополитик Дугин и мистический империалист Проханов, влачившие в 1990-е маргинальное существование, после 2000 г. становятся уважаемыми участниками публичных дискуссий.³³

- 1 Строго говоря, историю современного русского национализма следует начинать не с середины 1980-х (реакция на реформы Горбачева), а с середины 1950-х (реакция на десталинизацию, начатую во время хрущевской «оттепели»). Мы позволяем себе не рассматривать данное явление на том основании, что оно не было включено в пространство публичных дискуссий. Тщательное исследование этого «подковерного» национализма недавно провел Николай Митрохин. См.: Митрохин Н. *Русская партия: движение русских националистов в СССР. 1953–1985* (М.: Новое литературное обозрение, 2003).
- 2 Данная классификация предложена Вадимом Росманом. См.: *Русский национализм: социальный и культурный контекст*, составитель Марлен Ларюэль (М.: Новое литературное обозрение, 2008), с. 17.
- 3 Нет нужды делать специальную оговорку о том, что «коричневые» занимают несопоставимо менее значимую часть националистического спектра. Количество идеологов откровенного неонацизма в России не больше, чем в любой другой стране. Анализ структуры и социальной базы данной идеологии, а также ее места в рамках современного фашизма посвящены многочисленные работы Андреаса Умландта. См.,

- например: Уmland А. «Правый экстремизм в современной России», *Общественные науки и современность*, № 4, 2001; Уmland А. «Три разновидности постсоветского фашизма», *Русский национализм: идеология и настроение* (М.: Центр «Сова», 2006), с. 233–262.
- 4 См. Зюганов Г. «Святая Русь и Кощеево царство», http://www.rusprav.ru/2003/9-10/gr75-76_8.htm.
 - 5 См. Кара-Мурза С. Г. *Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой победы* (М.: ЭКСМО-пресс, 2002); Кара-Мурза С. Г. *Советская цивилизация. Книга вторая. От Великой победы до наших дней* (М.: ЭКСМО, Алгоритм, 2004).
 - 6 См. Морев В. «“Плюрализм” распада», *Гражданинъ*, 2003, июль-август, с. 26–35; Морев В. «На реках Вавилонских...», *Гражданинъ*, 2003, ноябрь-декабрь, с. 40–48; Морев В. Псевдорасцвет, *Гражданинъ*, 2004, май-июнь, с. 38–45 (текст написан в 1995).
 - 7 Тем не менее дистанцирование почвенников с «белой» самоидентификацией от коммунистов имеет свои пределы. В рядколлегию «Молодой гвардии» входит, например, депутат Госдумы от КПРФ Виктор Илюхин.
 - 8 Валентина Чеснокова – социолог из Фонда «Общественное мнение», автор (под псевдонимом) книги «О русском национальном характере». См.: Касьянова К. *О русском национальном характере* (М.: Институт национальной модели экономики, 1994). Михаил Назаров – бывший политэмигрант, вернувшийся в Россию в середине 1990-х гг. и основавший издательство «Русская идея». См.: Назаров М. *Тайна России: историософия XX века* (М.: Русская идея, 1999).
 - 9 Г. Гачев по убеждениям ближе к Солженицыну, чем к Шафаревичу. См.: Гачев Г. Д. *Национальные образы мира* (М.: Прогресс-Традиция, 2003).
 - 10 См.: Бородай Ю. М. «Почему православным не годится протестантская этика», *Наши современник*, 1990, № 10.; Бородай Ю.М. *Эротика. Смерть. Табу: Трагедия человеческого сознания* (М.: Гнозис, 1996).
 - 11 Начиная со второй половины 1990-х, профессор А. Панарин писал все более агрессивно-идеологические и все менее научно фундированные тексты. См., например: Панарин А. С. *Искушение глобализмом* (М.: Русский национальный фонд, 2001); «О державнике-отце и либеральных носителях “эдипова комплекса”», *Завтра*, № 17(492), 23.04.2003.
 - 12 В Центральный совет «Духовного наследия» входил сам Зюганов.
 - 13 В публикациях самого Проханова расставляемые им оценки (генералу А. Лебедю, уже упомянутому А. Руцкому, В. В. Путину и т. д.) менялись с «плюса» на «минус» или наоборот. Во время предвыборной кампании 2003 г. главред «Завтра» и непримиримый враг олигархов ездил в Лондон для переговоров с Березовским. Последним эпизодом в приспособленчестве Проханова стало его участие в «левом повороте» Ходорковского.

- 14 См.: Глазьев С. Ю. *Теория долгосрочного технико-экономического развития* (М.: Вла Дар, 1993).
- 15 См. его нашумевшую книгу *Последний бросок на Юг* (1993).
- 16 Существует нерусская версия евразийства, хрестоматийным выражением которой стала книга Ольжаса Сулейменова *Аз и Я: Книга благонамеренного читателя* (Алма-Ата, 1975). Однако этот сюжет выходит за рамки нашей темы.
- 17 Накануне выборов 2003 г. существовало два объединения, использовавших в своем названии термин «Евразия», – Общественно-политическое движение под руководством Дугина и партия под руководством Абдул-Вахета Ниязова. Кроме того, в качестве сторонника евразийской идеи в еще одной интерпретации иногда выступает президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, у которого, впрочем, эта идеология служит рамкой вполне прагматических экономических интересов (таможенное регулирование и проч.).
- 18 Еще недавно С. Шаргунов возглавлял молодежный союз «За Родину!», представлявший собой молодежное крыло партии «Родина», а осенью 2007 г. даже входил в предвыборную «тройку» избирательного списка партии «Справедливая Россия», в декларируемую оппозиционность которой не верят даже ее сторонники.
- 19 См. Шафаревич И. «Две дороги – к одному обрыву», *Новый мир*, 1989, № 7.
- 20 См. Ципко А. *Почему я не «демократ»* (М.: Эксмо/Алгоритм, 2005).
- 21 Нарочницкая Н. *Россия и русские в мировой истории* (М.: Международные отношения, 2004).
- 22 С 2008 года А. Мигранян, помимо других своих постов, является главой нью-йоркского отделения Института демократии и сотрудничества, созданного в том же году в пик американскому Freedom House. Официальная цель создания Института: «мониторинг нарушений прав человека в США и Европе». Парижское отделение этой организации возглавляет Наталия Нарочницкая.
- 23 См.: Ципко А. *Россию пора доверить русским. Критика национального нигилизма российских либералов* (М.: Алгоритм, 2003).
- 24 См.: Кузьмин А. Г. «Пропеллер пассионарности, или теория приватизации истории», *Молодая гвардия*, 1991, № 9; Кузьмин А. Г. «Россия в оккультной мгле, или зачем евразийцы маскируются под русских патриотов», *Молодая гвардия*, 1993, № 2; Кузьмин А. Г. «Евразийский капкан», *Молодая гвардия*, 1994, № 12.
- 25 См., например, журнал «Русич», издаваемый известным экстремистом В. Корчагиным (последний прославился изданием русского перевода гитлеровской «Майн Кампф»). Публикуемый «Славянским движением» журнал «Атеней» аттестуется его издателями как «расовый журнал». Здесь, среди прочего, публикуются отчеты о контактах русских расистов с единомышленниками из организации «Blood&Honour».

- 26 Характерные фигуры в этой связи – Егор Холмогоров и Константин Крылов. См.: Холмогоров Е. «Кредо националиста», www.arn-pp.ru; Крылов К. А., Алексеев М. Ю. *Особенности национального поведения* (М.: Арт-Бизнес-Центр, 2001).
- 27 См.: Щедровицкий П. «Русский мир: прогрессивная империя и культурный империализм», *Со-общение*, 1999, № 1.
- 28 Цит. по: Паин Э. *Между империей и нацией* (М.: Новое издательство, 2004), с. 219.
- 29 Кроме того, как не устает повторять В. Тишков, нация в России уже сложилась. Это российская нация, сознающая себя в качестве социокультурного сообщества. См.: Тишков В. «Самоопределение российской нации», *Международные процессы*, т. 3, № 2 (8), май-август 2005, с. 17–27.
- 30 См.: Горянин А. «Русская демократия – не новодел», *Эксперт*, 13–19 июля 2005; Горянин А. *Мифы о России и дух нации* (М.: Pentagraphic, Ltd, 2001). См. также: Лапкин В. «Гюльчатай, открой личико!», *Западники и националисты: возможен ли диалог? Материалы дискуссии* (М.: ОГИ, 2003), с. 196–209.
- 31 Такие люди, как лидер «Русского национального единства» Александр Баркашов, во многом обязаны своей привлекательностью для части мужского населения российских городов в 1990-е годы тем, что тогдашнее политическое руководство являло собой полную противоположность образу настоящего мужчины – солдата, воина, бойца. Ельцин и его окружение проявили «слабость» в Чечне, вели «мягкотелую» политику по отношению к Западу (не говоря уже о физическом состоянии самого лидера нации). Отток из рядов баркашовцев значительной части «соратников» в 2000 году был обусловлен, среди прочего, удачным «ребрендингом» кремлевской власти. Петербургский социолог Михаил Соколов, специально исследовавший феномен РНЕ, замечает, что «многие из тех, кто раньше был очарован воинственной простотой РНЕ, теперь отдали свою любовь Путину, чья решительная политика по усилению государства и прошлое сотрудника спецслужб в значительной степени соответствовало их чаяниям. Как сказал автору один из них, «Путин круче Баркашова». Для РНЕ это стало приговором». См.: Соколов М. «НБП: идеологическая эволюция и политический стиль», *Русский национализм: идеология и настроение* (М.: Центр «Сова», 2006), с. 159–160.
- 32 Мы оставляем за скобками вопрос, в какой мере эта организация контролировалась Кремлем.
- 33 Об интеграции в элиты прежде нерукопожатных идеологов крайнего национализма см.: Кукулин И. «Реакция диссоциации: легитимация ультраправого дискурса в современной российской литературе», *Русский национализм: социальный и культурный контекст*, составитель Марлен Ларюэль (М.: Новое литературное обозрение, 2008), с. 257–338.